

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

объ

Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ.

I.

Varietas delectat ¹⁾.

Извѣстно, что бывший министр народнаго просвѣщенія, Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, въ нѣкоторомъ родѣ, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые съ полнымъ правомъ могутъ сказать о себѣ: «*Nomo sum, humani nihil a me alienum puto*», т. е. говоря словами Екатерины Великой, — «я человѣкъ и человѣческое ничто для меня не чуждо».

Дѣйствительно, во вкусахъ и занятіяхъ своихъ онъ отличался большимъ разнообразіемъ... Такъ, несмотря на путешествованіе его по Святымъ мѣстамъ и на извѣстное описаніе этого путешествія, — несмотря на страсть къ собранію рѣдкихъ произведеній печати, которыя онъ отъ времени до времени разсматривалъ, любуясь широкими полями крошечныхъ эльзевировъ и альдовъ, или особенно рѣдкими изданіями, весьма цѣнными потому, что извѣстная опечатка служить доказательствомъ подлинности ихъ, — несмотря на немаловажныя занятія его по службѣ, онъ, какъ горячій поклонникъ прекраснаго пола, какъ-то умѣлъ находить время бывать въ обществѣ дамъ и съ особеннымъ удовольствіемъ бесѣдовать съ ними. Но не только хорошенькія женщины, а даже изображенія ихъ ласкали его художественный вкусъ и, въ часы отдыха, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на нихъ, иногда

¹⁾ Разнообразіе пріятно.

часами не выпуская изъ рукъ своихъ стереоскопа, любезно предложеннаго ему для нѣкотораго развлеченія...

Однажды у сестры супруги его, дѣйствительной тайной совѣтницы, княгини Софіи Егоровны Вяземской, рожденной Паниной, вечеромъ собрались обычные гости. Въ числѣ ихъ, изъ дамъ, были: Вѣра Егоровна Демидова, сестра хозяйки дома, Елена Алексѣевна Толстая, статсъ-дама графиня Разумовская и др. Изъ мужчинъ — Александръ Сергѣевичъ Танѣевъ, Петръ Алексѣевичъ Булгаковъ и неизвѣстный мнѣ адмиралъ, Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ и другіе, а также академикъ живописи Шварцъ (талантливый иллюстраторъ «Князя Серебрянаго»). Дамы играли въ карты (въ преферансъ), остальные гости вели оживленную бесѣду.

Нѣсколько молодыхъ людей, вмѣстѣ съ Шварцемъ, образовали отдѣльную группу и предметомъ ихъ бесѣды были разные эпизоды изъ жизни А. С. Норова, который сидѣлъ въ отдаленіи, слѣдя за игрой, — спиной къ группѣ молодыхъ людей. По поводу одного весьма веселаго анекдота, вызвавшаго у одного изъ слушателей замѣчаніе, сказанное полуполупомомъ Шварцу, этотъ послѣдній вынулъ изъ кармана кусокъ бумаги съ рисункомъ на одной сторонѣ; — на другой, чистой сторонѣ, онъ тутъ же нарисовалъ карандашомъ портретъ А. С. Норова — сзади. до того похожій, что всѣ гости, какъ и самъ А. С. Норовъ, нашли его весьма «удачнымъ». Портретъ этотъ, подаренный мнѣ на память Шварцемъ, при семъ предлагается, и, дѣйствительно, кто зналъ Авраама Сергѣевича, не можетъ не узнать въ немъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія.

II.

То было раннею весной
И соловей еще не пѣлъ.

Упомянувъ вскользь о слабости А. С. Норова къ прекрасному полу, я, конечно, не имѣлъ въ виду набросить тѣнь на незлобиваго, симпатичнаго, нерѣдко увлекавшагося и не по лѣтамъ жизнерадостнаго Авраама Сергѣевича, который въ порывѣ увлеченія, забывая о потерянной въ Бородинской битвѣ ногѣ своей, замѣненной деревяшкой, съ пылкостью юноши припадалъ на единственное колѣно свое передъ красивой женщиной, чтобы выразить всю силу чувствъ своихъ. Чтобы не быть голословнымъ, считаю своимъ нравственнымъ долгомъ привести нѣсколько эпизодовъ, вполне достовѣрныхъ, подтверждающихъ правдивость моихъ словъ.

1857 г., апрѣля 28-го, я «съ высочайшаго соизволенія быть командированъ за границу для исполненія при министрѣ народнаго просвѣщенія (А. С. Норовѣ) нѣкоторыхъ служебныхъ порученій во время высочайше дозволеннаго его высокопревосходительству пребыванія за границей».

А. С. Норовъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Варшаву. Съ нимъ выѣхала супруга его, — Варвара Егоровна, сестра ея, — Вѣра Егоровна Демидова, докторъ Романъ Филипповичъ Постельсъ, иностранецъ Вендтъ, въ качествѣ личнаго секретаря, и я.

Пріѣхавъ въ Варшаву, мы остановились въ квартирѣ тогдашняго попечителя учебнаго округа П. М. Муханова, принявшаго гостей своихъ съ изысканнымъ радушіемъ: хлѣбосольный, предупредительный хозяинъ, положительно, очаровалъ всѣхъ своимъ утонченнымъ вкусомъ и изобрѣтательностью, чтобы сдѣлать пребываніе въ его домѣ пріятнымъ. Уже черезъ нѣсколько часовъ по пріѣздѣ нашемъ, мы всѣ отлично устроились и чувствовали себя какъ дома: каждый развлекался по своему, а Авраамъ Сергѣевичъ вскорѣ, снабженный догадливымъ хозяиномъ прекраснымъ стереоскопомъ, примѣненіе котораго тогда особенно было въ модѣ у любителей природы во всѣхъ ея видахъ и при различныхъ освѣщеніяхъ, — съ видимымъ наслажденіемъ любовался этой интересной новинкой, придававшей всѣмъ изображаемымъ предметамъ особенную рельефность, или, предпочитаая слово русское, — выпуклость... Милый старикъ, вызывая двусмысленныя улыбки своихъ дамъ, положительно, задебывался отъ обильно доставленнаго ему удовольствія...

Однажды, кажется на другой или третій день послѣ нашего пріѣзда, когда кончился обѣдъ, дамы ушли и мы одни остались за столомъ, Авраамъ Сергѣевичъ, какъ-то сильнѣе обыкновеннаго заикаясь, обра-

тился ко мнѣ и сказалъ: «вотъ что... у подъѣзда стоитъ моя карета, поѣжайте къ Даціаро (варшавскій магазинъ эстамповъ) и к... купите мнѣ разныхъ н... н... ню... ашекъ; да по интереснѣе, — прибавилъ онъ улыбаясь, — только не г... г... гаварите, что для меня!»

Я не тотчасъ, но послѣ нѣкотораго, недолгаго, впрочемъ, размышленія догадался, что новое для меня выраженіе: «нюашка», вѣроятно, произошло отъ соединенія французскаго слова «ли» (голый) и русскаго ласкательнаго окончанія — «ашка» (какъ въ словахъ: «милашка», «канашка», «дурашка»).

Надо было, при произнесеніи этого слова Авраамомъ Сергѣевичемъ, посмотреть на лицо доктора и — мое: совсѣмъ, какъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» —

„Взглянувъ другъ на друга потомъ,
Какъ цидероновы авгуры,
Мы разсмыслилися тишкомъ“.

Я предложилъ доктору ѣхать со мной. Онъ согласился. Мы сѣли въ карету и минутъ черезъ пять были у Даціаро.

— Покажите мнѣ нюашекъ, да по интереснѣе, — сказалъ я приказчику.

Тотъ, съ недоумѣніемъ посмотрѣвъ на насъ, спросилъ:

— Que désirez vous messieurs (что вамъ угодно, господа)?

Я объяснилъ ему тогда по-французски, зачѣмъ мы пріѣхали. Французъ показавъ намъ все, что у него было «хорошаго»: тутъ были фигуры отдѣльныя и не отдѣльныя, фотографіи не крашенныя и крашенныя, однимъ словомъ, — чего хочешь, того просишь. Посовѣтовавшись съ докторомъ, я отложилъ съ десятокъ самыхъ пикантныхъ экземпляровъ и спросилъ о цѣнѣ.

— Два съ половиной за штуку! — отвѣтилъ приказчикъ.

— Какъ дорого! — возразилъ я невольно, употребивъ стереотипную фразу нѣкоторыхъ покупателей.

— Pas du tout monsieur! (никакъ нѣтъ!) — поспѣшилъ съ достоинствомъ замѣтить приказчикъ: — Еще сегодня его превосходительство, господинъ министръ народнаго просвѣщенія купилъ по этой цѣнѣ на 25 рублей.

Мы съ докторомъ, точно сговорившись, разомъ переглянулись... Я не медля заплатилъ и мы пустились въ обратный путь.

Пріѣхавъ домой, я передалъ покупку Аврааму Сергѣевичу, который, съ видомъ знатока, рассмотрѣвъ каждую картину отдѣльно, остался очень доволенъ этимъ «новымъ» пріобрѣтеніемъ... Дѣйствительно, французъ отличился: онъ выложилъ намъ, какъ болѣе молодымъ покупателямъ, такіе экземпляры, какихъ онъ не посмѣлъ предложить почтенному старику-вельможѣ, да и самый выборъ изъ множества намъ предложеннаго

былъ особенно удачный: докторъ специалистъ въ нѣкоторомъ родѣ, во всеоружіи науки, оказался на должной высотѣ, исполняя случайно роль «Париса»...

III.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Пробывъ нѣсколько дней въ Варшавѣ, Авраамъ Сергѣевичъ спѣшилъ за границу на воды, ради болѣзни жены своей. Имѣя въ виду, что ему врядъ ли, какъ онъ первоначально предполагалъ, удастся вмѣстѣ со мной осмотрѣть разныя учебныя заведенія за границей, онъ наканунѣ своего отъѣзда сообщилъ мнѣ, что рѣшился остаться съ больной женой, и вручилъ мнѣ 8-го мая 1857 года бумагу слѣдующаго содержанія:

„Господину учителю Ларинской гимназій, титулярному совѣтнику Михельсону.

„Для окончанія начатаго вами въ прошломъ году обзорѣнія различныхъ учебныхъ заведеній за границей, пользующихся тамъ особенной извѣстностью, дозволяю вамъ до 1-го сентября сего года заняться снѣмъ обзорѣніемъ и предписываю вамъ представить мнѣ къ тому времени вашъ трудъ по сему предмету. Поручаю вамъ въ особенности изслѣдовать составъ заграничныхъ учительскихъ семинарій, реальныхъ школъ и женскихъ учебныхъ заведеній, а тоже—собрать полныя постановленія относительно обязательнаго народнаго обученія въ Германіи. Вмѣстѣ съ снѣмъ, пользуясь вашимъ пребываніемъ въ Варшавѣ, вы должны ознакомиться съ главнѣйшими учебными заведеніями сей столицы или варшавскаго учебнаго округа“.

На другой день, т. е. 9-го мая, А. С., снабдивъ меня письмомъ къ нашему послу въ Берлинѣ, выѣхалъ за границу въ сопровожденіи вышепоименованныхъ лицъ, а я отправился въ Радзимижъ для осмотра тамошней учительской семинаріи, и затѣмъ, по возвращеніи въ Варшаву, занялся осмотромъ варшавскихъ гимназій.

Не могу не упомянуть для нѣкоторой характеристики нравовъ того времени, даже между лицами учебнаго вѣдомства, что одинъ изъ директоровъ, желая показать «пану секретаржу», какъ меня тамъ называли, на сколько развиты и вообще отлично успѣваютъ его ученики, рѣшился, на глазахъ самихъ учениковъ, представить ихъ учениками 3-го класса, тогда какъ они принадлежали къ 5-му! Уловка эта, конечно, не удалась: по первымъ отвѣтамъ учениковъ было видно, что они проши болѣе, чѣмъ по программѣ 3-го класса и слишкомъ развиты для этого возраста.

«Педагогъ» сильно сконфузился, но я ограничился весьма выразительнымъ взглядомъ на него и, не доведя объ этой неудачной перепалкѣ до свѣдѣнія начальства его, утвердился только въ давно сознанный истинѣ, что

„Есть и въ браминахъ лицемеры...“

Окончивъ осмотръ варшавскихъ гимназій, я выѣхалъ за границу, чтобы заняться исполненіемъ данныхъ мнѣ министромъ порученій. Въ этихъ занятіяхъ, сопряженныхъ съ переездами изъ одного города въ другой, прошло слишкомъ два мѣсяца. Осматривая въ іюлѣ учебныя заведенія Саксоніи, я заѣхалъ въ Дрезденъ, чтобы привести въ порядокъ собранные мною матеріалы. Я остановился тамъ въ «Hôtel de Saxe».

18-го (30-го) іюля я получилъ отправленную ко мнѣ поздно вечеромъ телеграмму (изъ Плауена):

«Venez à l'instant à Franzensbad. Wendt n'est pas arrivé. Tâchez d'avoir de ses nouvelles. Répondez. Noroff»¹⁾.

Вслѣдъ за этимъ, мнѣ была передана присланная для меня памятная записка, написанная рукою Авраама Сергѣевича. Составленная не въ канцеляріи, а сочиненная и написанная имъ самимъ, она передается здѣсь безъ всякихъ измѣненій подлинника. Вотъ содержаніе ея:

1) „Объясниться на станціяхъ въ Плауенѣ, и на другихъ между Плауеномъ и Дрезденомъ, особенно же въ Лейпцигѣ откуда идетъ дорога въ Кеттенъ.

2) „Собрать подробныя свѣденія на станціи въ Дрезденѣ, и описать форму сундуковъ (4 ваши и большой высокой баулъ).

3) Въ „Hotel de Saxe“ узнать въ какомъ Эккипажѣ были везены вещи на желѣзную дорогу и прибыли ли они туда. Былъ ли Вендтъ при вещахъ или отлучался.

4) „Зайти къ Посланнику.

5) „Обратиться въ Главное Жандармское управленіе въ Дрезденѣ; спросить возвратился ли Полковникъ Зейдендорфъ въ такомъ случаѣ просить отъ моего имени его пособія. Если же его нѣтъ, то просить о томъ же занимающаго его должность написавъ о происшествіи къ Полковнику Зейдендорфу.

6) „Справиться у крестной матери Вендта и у ея мужа Dr. en droit Appasch Antonstr. № 9.

7) „Справиться въ Конторѣ Gustaw - Lüders et Co Börsott на Самой той площади гдѣ „Hotel de Saxe“ напротивъ онаго, отправлены на Польскую границу на станцію Мисловицъ два сундука съ платьями а одинъ ящикъ съ книгами въ Варшаву.

8) „Въ послѣднемъ случаѣ сѣздить въ Кеттенъ гдѣ отецъ Вендта, и узнать отъ него со всею подробностію, не знаетъ ли онъ когда воротиться его сынъ, который вѣроятно отлучился повидаться съ нимъ. Братъ Вендта служить на желѣзной дорогѣ“.

¹⁾ Пріѣзжайте тотчасъ въ Франценсбадъ. Вендтъ не явился. Постарайтесь собрать свѣдѣнія о немъ. Отвѣчайте. Норовъ.

Слова телеграммы: «пріѣзжайте тотчасъ» и «соберите свѣдѣнія о Вендтѣ», сопровождаемая запиской съ массою различныхъ порученій, свидѣтельствовали достаточно о томъ, какъ растерялся Авраамъ Сергѣвичъ послѣ неожиданнаго исчезновенія Вендта. Онъ оставилъ ключи отъ чемодановъ въ гостиницѣ, никому не сказавъ, отправилъ ли онъ багажъ и куда,—оставляя за собою право (въ случаѣ привлеченія его къ отвѣту) сознаться откровенно, почему онъ внезапно ступеался, вмѣсто того, чтобъ пріѣхать съ вещами въ Франценсбадъ.

Послѣ многихъ разспросовъ на мѣстѣ и изъ конфиденціально мнѣ сообщенныхъ подробностей выяснилось, что дѣло исчезновенія Вендта было нѣсколько деликатнаго, чтобъ не сказать щекотливаго, свойства.

Послѣ посѣщенія разныхъ курортовъ, Авраамъ Сергѣвичъ рѣшился, на пути въ Франценсбадъ, переночевать въ какомъ-то городѣ, чтобъ не слишкомъ утомить больную жену свою. Вечеромъ вздумалъ онъ съ Вендтомъ, уроженцемъ того края, прогуляться по знакомымъ Вендту улицамъ, чтобы насладиться прохлагою вечерняго воздуха.

Нѣсколько уставши отъ прогулки, они зашли въ одинъ изъ уютныхъ ресторановъ, своимъ устройствомъ, вѣроятно, напоминавшій имъ Горациево: «*Ille terrarum mihi praeter omnes Angulus ridet*» (т. е. этотъ земли уголокъ мнѣ больше другихъ улыбается).

Путешественники наши сперва хотѣли только отдохнуть маленько, но потомъ они рѣшили поужинать. При искрометной влагѣ, мало-помалу, бесѣда оживлялась и, въ концѣ-концовъ, перешла въ горячій споръ о разныхъ преимуществахъ одной націи передъ другою и, наконецъ, о женщинахъ.

Вѣроятно подъ влияніемъ лишняго бокала шампанскаго, Вендтъ такъ увлекся, что оказался человѣкомъ крайне неуступчивымъ и настойчивымъ, совершенно забывая или не принимая въ соображеніе, что находится въ обществѣ своего «начальства». Но вотъ, на другое утро, проснувшись очень рано и сообразивъ всѣ обстоятельства дѣла, онъ какъ «Фока» въ «Демьяновой ухѣ»:

„Отъ бѣды такой
Схвативъ въ охапку
Кушакъ и шапку,—
Скорѣй безъ памяти „домой“,
И съ той поры... къ министру ни ногой“.

Онъ незамѣтно собрался и исчезъ мгновенно, оставивъ другимъ заботу о доставленіи Аврааму Сергѣвичу вещей, которыя, по осмотрѣ на Австрійской границѣ, подлежали отправкѣ въ Франценсбадъ. Между тѣмъ наши путешественники были въ ужасномъ положеніи: у нихъ не было ни платья, ни бѣлья, ни разныхъ другихъ необходимыхъ вещей. Присланные къ-то во Франценсбадъ ключи были Авраамомъ Сергѣви-

чемъ отправлены ко мнѣ, въ Дрезденъ, при запискѣ: «Честь и слава вамъ, любезный г. Михельсонъ, ждемъ васъ съ нетерпѣніемъ и посылаю ключи».

Такимъ образомъ мнѣ пришлось замѣнить Вендта и, на границѣ, хлопотать о пропускѣ чемодановъ для дальнѣйшаго слѣдованія ихъ во Франценсбадъ. Помню, что, когда, съ цѣлью ускорить дѣло, я далъ чиновнику пять гульденовъ и начатую бутылку какого-то ликера, то ключи оказались излишними: всѣ чемоданы, безъ всякаго осмотра, достигли скоро своего назначенія къ вѣдшему удовольствію Авраама Сергѣевича и, особенно, нашихъ спутницъ. Что касается Вендта, то наконецъ удалось отнять у него русскій паспортъ, безъ всякихъ для него непріятностей.

Пробывъ во Франценсбадѣ нѣсколько дней, я уѣхалъ опять для дальнѣйшихъ работъ по порученному мнѣ дѣлу, которое было прервано на короткое время такимъ неожиданнымъ происшествіемъ. Затѣмъ, окончивъ свою задачу, я возвратился во Франценсбадъ въ день, назначенный для отъѣзда въ Россію. На обратномъ пути случилось опять «маленькое» происшествіе, о которомъ сейчасъ скажемъ.

IV.

Cet animal est très méchant:

Quand on l'attaque, il se défend ¹⁾

Русскій человѣкъ въ обращеніи своемъ не только къ брату или другу, но и къ низшимъ, употребляетъ симпатичное и истинно христіанское слово «братъ»; вмѣстѣ съ этимъ выраженіемъ вошло въ обычай обращаться къ нимъ и съ «сердечнымъ» ты и — не даромъ говорить поэтъ:

„Пустое вы сердечнымъ ты
Она, обмолвись, замѣнила,
И всѣ счастливыя мечты
Въ душѣ влюбленной возбудила“.

Но слово «ты», вообще, — безъ «счастливой мечты» — обоюдоострый мечъ: интимное, сердечное «ты» весьма легко переходитъ въ дерзкое и грубое и тогда оно часто совсѣмъ не далеко отъ дурака, болвана, осла, скотины и другихъ эпитетовъ, оскорбляющихъ самолюбіе всякаго, не

¹⁾ Звѣрь этотъ злостью отличается:

Коль нападутъ, — онъ защищается.

(Въ звѣринцѣ.)

потерявшаго сознанія своего человѣческаго достоинства. За границей обращеніе къ прислугѣ съ словомъ «ты», съ неизбѣжной приправой браннаго слова, у насъ такъ легко срывающагося съ языка разсерженнаго человѣка всѣхъ сословій, положительно не мыслимо. Такое обращеніе тамъ непремѣнно вызоветъ цѣлую бурю со стороны протестантовъ, не только лично затронутыхъ, но и—принципа ради.

«Лейпцигъ!» закричали кондуктора. Мы всѣ оставили свои вагоны и послѣдовали въ залъ 1-го класса, гдѣ на-силу нашли нѣсколько свободныхъ мѣстъ, а публика, въ ожиданіи заказанныхъ котлетъ, сосисокъ и прочихъ прелестей нѣмецкой кухни, начинала себя чудовищными бутербродами, заливая ихъ залпомъ проглоченнымъ пивомъ.

Авраамъ Сергѣевичъ тоже, разспросивъ своихъ дамъ, заказалъ разные порціи. Минуты черезъ три приближался въ нашу сторону кельнеръ, неся между всѣми пальцами по нѣскольку тарелокъ съ разными порціями.

— Кельнеръ!—крикнулъ Авраамъ Сергѣевичъ, — hier! (сюда), — но кельнеръ, раздавая порціи прежде заказавшимъ, махалъ головой, въ видѣ отказа.

— Du Schwein! (ты, свинья!)—крикнулъ тутъ же оскорбленный вниманіемъ кельнера нашъ министръ.

Если-бъ въ этотъ моментъ съ потолка сорвалась люстра и прямо упала бы на уничтожавшую бутерброды публику, то навѣрное не произошло бы болѣе суматохи, какъ послѣ энергичнаго «Schwein» Авраама Сергѣевича. Въ одинъ мигъ насъ обступила несмѣтная толпа съ какими-то желѣзнодорожными полицейскими во главѣ. Какъ мы ни старались ретироваться, ища спасенія въ почетномъ отступленіи и устремляя взоры на нашъ вагонъ, но двинуться не было никакой возможности: толпа требовала удовлетворенія. Рядомъ со мной, съ правой стороны, весь поблѣднѣвъ, шелъ Авраамъ Сергѣевичъ. Съ лѣвой стороны придвинулся ко мнѣ полицейскій, который, дерзко преграждая мнѣ дорогу, громко обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Вы принадлежите къ этому обществу, назовите мнѣ немедленно то лицо, которое идетъ рядомъ съ вами.

Въ это время Авраамъ Сергѣевичъ дергаетъ меня за рукавъ и усиленно заикаясь, настойчиво повторяетъ: «не... не... не гава... рите!» Положеніе мое было, какъ говорится, хуже губернаторскаго и самъ царь Діонисій Сиракузскій, будучи въ моемъ положеніи, уже никакъ бы не сказалъ:

„Ich sei, gewährt mir die Bitte,
In eurem Bunde der Dritte“ ¹⁾.

¹⁾ Пусть буду, исполните просьбу,
Я третьимъ въ вашемъ союзѣ.

Я, однако, не нашелъ возможнымъ исполнить непремѣнное желаніе Авраама Сергѣевича и, болѣе надѣясь на лучший исходъ при открытіи его «инкогнито», отчетливо произнесъ: «*der Herr ist seine hohe Exzellenz, Minister der Volksaufklärung Seiner Majestät des Kaisers von Russland* »¹⁾. Эти внушительныя, по моему мнѣнію, слова подѣйствовали, но только отчасти: толпа не переставала шумѣть, но полицейскіе нѣсколько задумались. Явился полицейскій повыше чиномъ, и насъ, послѣ нѣкоторыхъ объясненій и увѣщеваній, при громкихъ протестахъ публики, наконецъ, кое-какъ пропустили въ вагонъ, который въ этотъ моментъ показался намъ обѣтованной землей, а волнующаяся около насъ публика, напоминала намъ Черное море, во время бѣгства евреевъ изъ Египта.

Впослѣдствіи уже, я получилъ въ Петербургѣ отъ старшаго жандармскаго инспектора—Зейдендёрфера два письма, отъ 14-го октября и 6-го ноября 1857 года, изъ которыхъ видно, чѣмъ кончилась исторія съ Вендтомъ и—другая, съ «сердечнымъ ты»... Копіи этихъ двухъ писемъ прилагаются въ точномъ переводѣ на русскій языкъ.

„Его высокоблагородію, г-ну доктору²⁾ Михальсону.

„При отъѣздѣ вашемъ изъ Дрездена вы любезно общали мнѣ, что я уже изъ Варшавы получу нѣкоторыя свѣдѣнія³⁾; но за неполученіемъ такихъ какъ изъ Варшавы, такъ и изъ Петербурга, я опасаясь, что нездоровье ваше, вызванное непріятностями въ Лейпцигѣ, усилилось и мѣшаетъ вамъ исполнить обѣщаніе; а потому спѣшу сообщить вамъ, что черезъ нѣсколько дней послѣ вашего отъѣзда я отправился въ Лейпцигъ къ директору полиціи Штенгелю, который получилъ письменное донесеніе о крайне безтактномъ поведеніи полицейскаго чиновника Тербунга; я объяснилъ ему всѣ обстоятельства дѣла. Онъ тотчасъ же увѣрилъ меня, что Тербунгъ *brevi manu* (безъ замедленія),—такъ какъ васъ лично опросить невозможно,—будетъ устраненъ отъ должности желѣзнодорожнаго полицейскаго чиновника съ выговоромъ и занесеніемъ въ формуляръ. Въ бытность мою въ Лейпцигѣ я убѣдился въ дѣйствительности такого рѣшенія.

„Полагая, что вы удовлетворитесь назначеннымъ възысканіемъ, которое безъ личнаго опроса вашего не могло быть постановлено въ высшей мѣрѣ, я все-таки желалъ бы услышать отъ васъ, при случаѣ, доволенъ ли его превосходительство фонъ-Норовъ, которому вы по всей вѣроятности сообщили хотя поверхностно объ окончаніи непріятнаго инцидента, и остались ли вы довольны принятымъ къ Тербунгу наказаніемъ.

„Что касается доктора Вендта, то могу доложить, что на сдѣланное его превосходительствомъ фонъ-Норовымъ заявленіе посольству въ Дрезденѣ, объ

¹⁾ Этого господина его высокопревосходительство, министръ народнаго просвѣщенія его величества руссійскаго императора.

²⁾ Обычный титулъ въ Германіи для получившихъ ученую степень доктора вообще.

³⁾ Намекъ на обѣщаніе, сдѣланное ему мною по порученію А. С. Норова, увѣдомить его въ случаѣ предполагаемой награды его русскими правительствомъ за оказанныя имъ услуги.

отобраніи выданнаго Вендту паспорта, послѣдовало извѣщеніе отъ посольства министерству иностранныхъ дѣлъ, которое сообщило объ этомъ министерству внутреннихъ дѣлъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало отъ себя распоряженіе, чрезъ полицейскія управленія Лейпцига и Дрездена, объ отобраніи у Вендта паспорта, въ случаѣ прибытіи его въ эти города. Такимъ образомъ особенно мною принятія мѣры оказались излишними... До сихъ поръ Вендтъ не пріѣзжалъ ни въ Лейпцигъ, ни въ Дрезденъ, но, по наведеніямъ мною справокъ, сообщался и переписывался съ знакомыми мнѣ чиновниками, я узналъ, что онъ усмотрѣнъ въ Берлинѣ. По полученіи этого извѣстія, я немедленно сообщилъ объ этомъ адѣшнему посольству, которое обратилось въ посольство въ Берлинѣ съ просьбою озаботиться отобраніемъ паспорта; но изъ Берлина до сихъ поръ отвѣта посольству не послѣдовало. Въ виду того, что я не считалъ себя вправе принять официальные мѣры въ Пруссіи, я обратился письменно къ Вендту съ требованіемъ, во избѣжаніе всѣхъ могущихъ быть послѣдствій, передать находящійся у него русскій паспортъ мнѣ или маркизу Паулуччи. Но вотъ уже 18 дней, какъ получилъ отъ Вендта отказъ, съ присовокупленіемъ, что онъ „намѣренъ лично прійти въ Россію“, вслѣдствіе чего ему паспортъ необходимъ.

„Это письмо я отправилъ въ оригиналѣ къ маркизу Паулуччи и получилъ 12-го с. м. изъ Варшавы извѣстіе, что Вендтъ въ Варшаву не пріѣзжалъ. Это извѣстіе принудило меня обратиться къ берлинскому начальнику полиціи, Дорре, съ просьбою, чтобы онъ у посольства испросилъ разрѣшеніе—отобрать у упомянутаго Вендта паспортъ, если онъ еще находится въ Берлинѣ, въ случаѣ же его отъѣзда изъ Берлина, я просилъ увѣдомить меня, куда онъ выѣхалъ.

„Просьба засвидѣтельствовать его превосходительству фонъ-Норову мое нижайшее почтеніе, пмѣю честь быть и проч. Вашего высокоблагородія покорнѣйшимъ слугою Зейдендѣрферъ. Старшій инспекторъ королевской саксонской жандармеріи“.

Письмо это я сообщилъ А. С. Норову, но онъ, забывъ о своемъ обѣщаніи замолвить о немъ словечко, или почему-то не считая удобнымъ упоминать о заслугахъ Зейдендѣрфера, вызванныхъ „инцидентами“, не уполномочилъ меня что-либо отвѣтить на это письмо.

Послѣ этого, уже въ ноябрѣ, я получилъ второе письмо отъ видимо разочарованнаго въ ожиданіяхъ своихъ, обиженнаго и за живое задѣтаго Зейдендѣрфера. Интересно сравнить его съ первымъ письмомъ, дышащимъ рвеніемъ, предупредительностью, изысканной вѣжливостью и даже чрезмѣрной почтительностью. Это второе письмо (въ видѣ „бумаги“), отличалось не только официальнойностью и краткостью своей, но и формой, нѣсколько неприличной. Вотъ оно:

„Ваше благородіе считаю необходимымъ увѣдомить, что наконецъ, безъ всякаго официального вишательства, удалось на-дняхъ добыть императорскій русскій паспортъ Вендта, во время пріѣзда его въ Магдебургъ. Упомянутый паспортъ отправленъ къ императорскому русскому генералу маркизу Паулуччи.

„Объ изложенномъ прошу благосклонно увѣдомить его превосходительство, министра народнаго просвѣщенія фонъ Норова. Зейдендѣрферъ. Старшій инспекторъ жандармеріи“.

Положимъ, что инспекторъ Зейдендѣрферъ, дѣйствительно очень потрудился; положимъ, онъ былъ правъ, что негодовалъ за невниманіе къ

его хлопотамъ и усердію въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, требовавшемъ и осторожности и нѣкотораго такта, и за неисполненіе данного ему обща-нія; но, въ то время, отъ чрезмѣрныхъ всестороннихъ розысковъ его, эти исторіи, а особенно побѣгъ Вендта, можетъ быть при нѣкоторомъ содѣй-ствіи того же Вендта, достаточно получили нежелательную для А. С. Но-рова огласку и это послѣднее обстоятельство побудило А. С. не возбу-ждать вопроса о наградѣ по дѣлу, которое и безъ того испортило ему не мало крови.

Что касается даннаго мнѣ порученія «изслѣдовать заграничныя учи-тельскія семинаріи, реальныя школы и женскія учебныя заведенія, а также—собрать полныя постановленія относительно обязательнаго народ-наго обученія въ Германіи», то мною былъ представленъ Аврааму Сер-гѣевичу обширный докладъ. Докладъ этотъ былъ переданъ Андрею Сте-пановичу Воронову, какъ матеріалъ для окончательной разработки на-мѣченныхъ министерствомъ вопросовъ.

М. И. Михельсонъ.

